

Улицы мира

арабской вязью

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Казача

Улица мира арабской вязью

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Казача Е. О.

Улица мира арабской вязью / Е. О. Казача — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Аравийский полуостров, южное побережье. Территория, на сегодняшний момент принадлежащая Оману, заселена арабскими племенами, образованными выходцами из стран, располагавшихся на этой земле до начала боевых этапов операций по борьбе с экстремистскими движениями. В рамках международной войны с мировым терроризмом российские ВМС высаживают десант. Сломив сопротивление и преследуя отступающие вглубь континента части разбитой террористической армии, живые люди попадают в объятия ядерной пустыни и оказываются лицом к лицу с невиданным ужасом. Содержит нецензурную брань.

Всегда улыбается. Разговаривая с кем-нибудь, стоя в строю, за обедом в солдатской столовой. И что такого весёлого он нашел в этом мире? Вот и сейчас тоже лыбится, выставляя напоказ ряд крупных белых зубов, оживлённо втирает что-то сидящему справа от него штурмовику, жестикулируя одной рукой, а второй небрежно придерживая штурмовую винтовку, чтобы та не скользнула прикладом по полу и не упала бы ему под ноги. Сержант морской пехоты Российской Федерации Руслан Бекешев. Высокий и широкоплечий, с необычайно светлыми для выходца из Средней Азии кожей и волосами, всегда был душой компании. И ведь знали все, что в его болтовне никогда не бывает и половины правды, а всё равно с удовольствием слушали, и иной раз даже искали его общества. Не особо отважен в бою, не обладающий высокими боевыми навыками, не смотря на завидное сложение, но как ему идёт боевой костюм! Возможно, или даже, наверное, он именно поэтому и выбрал службу в армии.

Штурмовик Денис Буслаев, сидящий справа от Бекешева, опёршись локтями на автомат, лежащий на коленях, повернул голову так чтобы лучше слышать своего собеседника. Он ниже на пол головы, а в таком положении и вовсе, кажется Бекешеву по плечо. Тёмно-зелёные боевые костюмы из композитов и углепластика, кажущиеся серыми в неярком однотонном свете, плотно сидят на телах людей, делая любую фигуру атлетической. Забрала шлемов подняты и лица ещё не скрыты масками, а на плечах эмблемы морского десанта.

И на моём плече такая же. И такой же костюм. И громоздкая тяжелая штурмовая винтовка, которую я крепко сжимаю обеими руками, точь-в-точь как у Бекешева. И ростом я не ниже него.

«Маслы» – так на сленге морской пехоты называют тяжеловооруженных стрелков. Мощное универсальное оружие, более тяжелая броня и рост не менее 180 см. Я и Бекешев – «маслы». Наши места на самом краю у люков десанта, чтобы высадиться первыми, занять позиции и прикрыть огнём высадку остальных.

Следующие – по двое штурмовиков с каждой стороны, снайпер и гранатомётчик в дальних углах.

В отсеке довольно шумно. Минут двадцать назад десантный корабль увеличил скорость, перешел в скоростной режим, и даже толстые борта корпуса не в состоянии заглушить гул водной стихии, вздымаемой несущимися по её поверхности двадцатью пятью тысячами тонн металла. Я даже ощущаю, как пол под ногами немного наклонился в сторону кормы из-за того, что корабль задрал нос. Значит высадка уже скоро.

Час назад, когда корабль ещё был на марше, я слышал как с палубы стартовали штурмовики и истребители прикрытия. Характерный свист был различим даже в нижних трюмах. Сейчас они, наверное, доколачивают все те точки сопротивления, которые остались после ракетно-артиллерийской обработки. Потом, наверное, взлетели штурмовые вертолёты, но их совсем не было слышно. Сейчас они, должно быть, крутятся где-то неподалёку, готовясь поддержать огнём высадку.

Вот кто мне по душе! «Крылатые» пилоты самолётов не очень-то общаются с «солдатней». Вертятся в своём кругу, как правило. А вот вертолётчики – совсем другое дело! Всегда рядом, готовы помочь. Да и в быту не гнушаются «низовской» компании. Морпех и вертолётчик – лучшие друзья!

Где-то вверху загрохотала корабельная автоматическая арт.установка. Видимо, земля совсем уже близко, раз она начала утюжить побережье. Несмотря на то, что чистка её четырёх 152-миллиметровых стволов будет похлеще любого спортивного праздника и давно используется как способ наказания провинившегося подразделения, у моряков особое к ней отношение. Эта установка является особенностью таких десантных кораблей, как наш. Что-то вроде талисмана. Её грохот здорово поднимает боевой дух солдат!

Эти двое напротив всё болтают. Интересно, о чём?... Вот бя...ство! И я туда же!

Резкий сигнал готовности три раза прорвал гул, царящий в отсеке, и бледно-зелёное освещение в такт ему трижды сменилось красным. Голос командира полка из динамиков объявляет о том, что до высадки осталось десять минут. И командир машины по внутренней связи тут же поспешил продублировать приказ. Как будто бы без него не обойтись совсем!

Все вокруг вмиг оживились. Бойцы принялись проверять оружие, амуницию, настраивать электронику перед боем. А Бекешев продолжал что-то втирать Буслаеву до тех пор, пока тот не опустил забрала шлема и не одел маску. Тогда уж и Руслан Аликович поспешил наконец-таки сделать то же самое.

Я опустил забрало первым и уже проверял настройки оборудования, следя за проекционными картинками на обратной стороне визира шлема прямо перед глазами. Снова сигнал! Пятиминутная готовность. Ну, теперь держись, пехота.

Первый разрыв. Где-то далеко впереди. Второй справа по борту. Толи снаряд упал в море, толи мину подорвали системы активной защиты. Ещё и ещё взрывы. И вот удар! Такой слабый, где-то высоко в левый борт. Вряд ли это снаряд. Может быть авиационная ракета? Нет, сомневаюсь, что в воздухе остался хотя бы один вражеский самолёт к этому времени.

Когда-то я слышал рассказ о том, как во время вот такого же штурма побережья в Иране, арабы использовали катера груженные взрывчаткой со смертниками на борту. Лодки прятались в прибрежных скалах и среди обломков кораблей, а при приближении десантных кораблей вылетали из своих укрытий и мчались им наперерез, стараясь подорвать свой груз как можно ближе к борту корабля. Если догнать корабль не удавалось, то смертники пытались хотя бы обстрелять его из гранатомётов. Некоторые из них были раздавлены корпусом, некоторые всё же успевали подорвать заряд, но большинство было расстреляно ещё на подходе. Сотни лодок погибло тогда у берегов Ирана, но арабам всё же удалось потопить один десантный корабль и сильно повредить ещё три.

Быть может и этот удар, что только что пришелся в наш борт, был именно следствием попадания из гранатомёта? Тогда это плохая идея – стрелка наверняка сразу же превратили в прах автоматические пушки системы защиты.

Вдруг невидимая и безоговорочная сила подбрасывает меня вверх и я бьюсь шлемом о металлический потолок, а в голове возникает мысль о конце. Всех остальных тоже тряхнуло. Некоторые даже соскочили с лавки и оказались на полу. Быстрым движением я открываю смотровую щель в левом люке десанта и сквозь толстое стекло вижу пространство огромного трюма. Колонна заметно покосилась, машины сбились в строю и наткнулись друг на друга. Нашу БМП тоже развернуло немного и своим правым бортом она упёрлась в соседнюю машину. Но никаких признаков воды в трюме я не вижу. Возможно, пробоина есть где-то там, дальше, за переборкой, в соседнем отсеке. Но ведь корабль движется. И, судя по шуму, не потерял в скорости. А до берега всего минута-полторы. Значит, не потонем – не успеем.

Корабль начал сбрасывать скорость, и я чувствую, как моё плечо налегает на плечо сидящего слева. Один за одним стали запускаться двигатели всех БМП и машины приготовились рвануть вперёд. По корпусу забарабанили снаряды малых калибров как градины по крыше автомобиля. Звуки разрывов доносятся теперь отовсюду, со всех сторон, справа, слева, спереди. Носовые турели ревут не уставая, зачищая место под высадку. Вот-вот корабль натолкнётся опорами на грунт, и мы на берегу. Если повезёт и берег будет пологим, то даже ноги не замочим.

«Внимание! Касание!» – звучит голос командира по внутренней связи. Все мгновенно пригнулись и обхватили колени руками. Тут уж никого упрасивать не пришлось, даже Бекешева.

Удар! Нет, это ещё не касание. Видимо снаряд попал в нос корабля. А что если главный люк заклинит? Что тогда? Уйдём обратно в море или останемся на берегу?

Толчок! Сильный скрежет и шум трущегося о песок металла. Огромные лыжи-опоры корабля скользят по песку и камням. Всё, остановились. Металлический лязг и звук удара платформы главного люка о грунт. Выходит, открылся. Среди общего шума едва слышно, как на негостеприимный берег с рёвом высаживаются машины первой роты. Хотя, какие мы гости? ...

Я помню, конечно, из летучки кое-что про тактику нашей высадки. Первые роты каждого из батальонов сразу после высадки спешиваются, занимают побережье и прикрывают остальных, которые тем временем не останавливаясь уходят вперёд и подступают к городку Рас Аль Джифан. Занимаем его и небольшой аэродром неподалёку, закрепляемся, а потом уже начинаем зачищать побережье.

«Приготовиться к высадке!» – прозвучало из динамиков, зашипел воздух в системе герметизации отсека и по характерному звуку я понимаю, что гидравлика поднимает многотонную переборку прямо перед головными машинами нашей коробки. Впереди лязг уходящих первых экипажей, наша БМП дёрнулась вперёд, и стальные гусеницы яростно заскребли по палубе, будто бы когти пленённого зверя, перед которым вдруг распахнулась дверь его клетки.

Гул, скрежет, короткий съезд под уклон, затем толчок, и вот уже гусеницы вовсю месят мягкий сырой песок. Моторы ревут всё сильнее и БМП, набирая скорость, уходит вперёд. Я вновь прильнул к смотровой щели.

Сейчас где-то часа четыре утра. Начало пятого, может быть. Довольно светло. Полнолуние. Песок в лунном свете отдаёт бледно-желтым, призрачным. Чёрные каменные глыбы совсем не отбрасывают на нём теней. Из квадратной пасти десантного корабля выскочили две последние машины моей роты, спустились на берег и, отбрасывая назад песок траками, поспешили догонять остальных.

Метрах в двухстах, упершись мордой в каменистый берег, стоит точно такой же, как и наш, корабль второго батальона. У него здорово разворотило надстройку снарядом или ракетой, но, видимо, не достаточно сильно, для того, чтобы его вывели из боя.

Из второго десантника уже высаживаются машины шестой роты, значит, пятая уже ушла вперёд и нам придётся её нагонять.

Ещё дальше от корабля второго батальона корабль третьего. И совсем далеко, только готовится к высадке, четвёртый десантник.

А это ещё что там? Что-то большое и плоское, как будто спина гигантской черепахи. И вода вокруг прямо кипит! Какой-то корабль или лодка? Очень странный. Не из наших. На летучке не предупреждали, что на этом участке будет кто-то кроме нашего полка. Обзор перекрыла морда одной из БМП, идущих позади, и я больше ничего не успел рассмотреть. Ладно, потом разберёмся.

Рота уже отошла от берега где-то на полкилометра и машины уже не прыгают по камням, не ныряют в ямы, а катятся по ровной поверхности. Дисковые роторные двигатели, к одному из которых я сейчас сижу спиной, внезапно «потухли» и остался только заунывный ноющий гул электродвигателя. Бой на берегу уже утих. Только изредка снаряд упадёт где-то далеко в море или какой-нибудь шальной трассер прилетит откуда-то из пустыни и ударит в борт корабля, но на него никто уже даже не обратит внимания. Изредка вспыхивают огни от шестиствольных пушек, окопавшихся на пляже БМП, и в чёрное небо отправится поток раскалённого металла. Вот как сейчас: ввысь взмыла яркая белая струйка, рассыпавшись высоко в небе на отдельные искорки, и громыхнул взрыв. Снаряд сбили. Или ракету.

Впереди всё чаще стали слышаться разрывы снарядов и гранат, а в смотровую щель можно увидеть, как проносятся мимо бешеные трассеры, так и не нашедшие себе цели. Ещё слышно как пятая рота огрызается рёвом пушек и грохотом автоматических гранатомётов.

Снаряд разорвался совсем недалеко справа и машины нашей роты, до сей поры шедшие в шахматном порядке, в колонну по два получили команду рассредоточиться и шустро рассы-

пались, образуя кольцо вокруг командирской машины. Вон уже не далеко справа волчьей стаей стелется по земле колонна шестой роты, стремясь догнать пятую и изредка давая короткие залпы в сторону противника. А за нами следом подтягиваются машины второй роты.

Первые шальные пули затенькали по броне, высекая искры. Машина, идущая впереди, ответила огнём, осыпав нашу БМП грудой стреляных гильз. И вслед за ней то там то тут машины стали озарять всё вокруг ярким бело-красным светом.

Я отрываюсь от смотровой щели и осматриваюсь в отсеке. Всё спокойно, как всегда перед боем. Бекешев, сидящий напротив, не отрывается от своей смотровой щели, снайпер и гранатомётчик, крайние с той стороны, тоже смотрят в триплексы, остальные сидят почти неподвижно, изредка покачивая головами в массивных шлемах.

Над головой раздался короткий оглушительный рёв, машину качнуло назад и немного в сторону.

«Макс решил пострелять» – подумал я.

Макс – это Максим Терехов, огневой оператор нашего экипажа.

«Тушканчика увидел, наверное, в тепловизоре» – пошутил я и не успел насладиться своим остроумием как позади раздался звук сильного удара, и множество осколков осыпало корпус нашего БМП. Бросаюсь к смотровой щели.

Машина, идущая справа позади в строю! Снарядом её разворотило всю левую часть оружейной платформы, левый ракетный стек оторван! Хорошо – ракеты не сдетонировали! Радар от удара покосился вправо, левая пушка обвисла и навалилась на ствол левого гранатомёта. Надеюсь, у стрелка хватит ума не стрелять из него. Видимо, весь экипаж цел и машина продолжает сохранять своё место в строю.

Меж тем всё жарче. Мы уже далеко вклинились вглубь территории противника и теперь нас обстреливают не только с фронта, но и с флангов и даже сзади. Колонны вынуждены вести круговую оборону и яркие трассы то и дело расходятся в разные стороны.

Пара штурмовиков прошла на малой высоте. Совсем уже не опасаются атак с земли. Да и кого им бояться? Зенитки наверняка раздолбали все, а одиночным стингером их не возьмёшь. Слышу свист вертолётных двигателей сверху.

Вдруг одна из БМП вдали, пятой или шестой роты, вспыхнула, превратившись в катящийся по пустыне огненный шар! Прошло целых несколько секунд, прежде чем машину окутало облако противопожарного состава, а огненный шлейф, тянущийся за нею, сменился бело-синим хвостом из дыма и пара. Почему система пожаротушения сработала так поздно, выжил кто-нибудь там или нет, и чья это была машина? Я многих знаю из второго батальона.

Следующий снаряд вскользь ударил по борту головной машины третьей роты, высек сноп искр, и, слегка изменив свою траекторию, унёсся куда-то в темноту! От удара БМП прямо на ходу снесло в сторону и развернуло, но водитель сумел выровнять её и машина, сперва немного потеряв в скорости, вновь возглавила строй. Снова несколько трассеров пронеслось мимо и тут же одну из БМП той же третьей роты бросило в сторону, и она завертелась на месте как раненый зверь, вздымая тучи пыли.

Мне вдруг вспомнилась картина из телепередачи про животных, которую я видел ещё в юности. Волк, бегущий по заснеженному полю, спасаясь от вертолёта, воздушный поток от вращающегося винта поднимает у земли снежную бурю и треплет густую серую шерсть. Выстрел – и хищник закружился, покатился кубарем, оставляя на белом красный след и яростно вгрызаясь зубами в то место, куда только что вонзилась пуля. Затем, ощерив пасть, изо всех последних сил бросился в сторону опасности, на вертолёт, отталкиваясь лишь передними лапами. Ещё выстрел – и всё... К чему это я вспомнил?

Видимо, это всё та же точка, что попортила их лидера, скинула трак этой. Тридцатимиллиметровый автомат, я думаю. Такие ставили на БМП советского производства.

Над головой всеми своими стволами разом взревела оружейная платформа! Обе пушки и оба гранатомёта одновременно! От такой мощи машину наклонило набок. Хлопнули взрыв-пакеты активной защиты и орудия разом смолкли. Это могло означать только одно – к нам летела ракета или снаряд и, благодаря системе защиты, не долетела. А то закувыркались бы сейчас как те, из третьей роты.

Артобстрел почти прекратился. Может потому что мы подошли слишком близко, но скорее всего потому, что у противника больше не осталось ни укреплённых точек ни целых орудий. Зато пули барабанят по броне не переставая и отовсюду слышны разрывы гранат. Справа, метрах в двухстах, одна из наших БМП подпрыгнула, высоко задрал нос, подорвавшись на mine, и перевернулась на бок. Из распахнувшихся люков десанта начала вываливаться пехота, разбегаясь на ватных от контузии ногах в разные стороны в поисках укрытия.

Машины, не спеша, сбрасывая скорость, наращивают огонь. Задние ряды подтягиваются вперёд. Значит скоро высадка.

«Внимание, отделение!» – прозвучал голос командира машины – «Приготовиться к высадке!»

БМП начала тормозить, наклонившись вперёд. У меня есть ещё несколько секунд. Проверю всё ещё раз. Электроника в порядке, пояс с разгрузкой на месте, боекомплект за спиной. Винтовка – вот она, в руках. Машина остановилась, клюнув носом, и люки десанта распахнулись.

«Отделение, спешится!» – проорал в наушниках голос командира – «Левые налево, правые направо!»

Мы с Бекешевым выскочили первыми, и, пригнувшись, ушли каждый в свою сторону. Проекционная оптика шлема тут же высветила мне позицию между двух островерхих каменных глыб, которую мне следует занять. По мнению командира, разумеется. Кутузов хренов! Да эта щель в камнях самое первое место, куда будет целить снайпер!

«Серёжа, чё ты липнешь к ней как к тёлке?!» – командир делает замечание одному из штурмовиков, вплотную севшему к борту БМП – «На два метра влево! Быстрее!»

Я занял позицию у камней, приготовил оружие к стрельбе, прочесал сектор тепловизором и лишь потом огляделся по сторонам. Всё та же полная луна на небе, всё та же пустынная земля вокруг. Только линия горизонта едва заметно посветлела, готовясь к ещё не скорому приходу солнца. Или это мне кажется так?

Большая часть машин полка выстроилась в длинную линию метрах в двухстах от того, что когда-то было окраиной курортного города. А сейчас ближняя к нам его часть это даже не развалины, это просто полоса завалов, кое-где освещённая пламенем пожаров. Никаких признаков активности боевиков, да и вообще жизни, я не вижу, но БМП изредка полосуют по и без того раздолбаным грудам камней хлыстами коротких очередей. Так, для порядка.

Вертолёты совсем расслабились. Кружат на малых высотах и ничего не стесняются. Один и вовсе завис на высоте метров в сто над землёй, немного позади наших порядков, и долбит из своих пушек куда-то ближе к центру города. Только два ручья стреляных гильз хорошо заметны в лунном свете.

«Приготовится к штурму, отделение» – командир произнёс с некоторой ленцой в голосе – «По команде штурмовики вперёд, остальные на месте».

Темень такая, а они дымовую завесу ставят! Хотя оно и правильно – в дыму невооружённым глазом ничего не видеть, а у нас визирь все-таки. Похлопаем арабов как котов.

«Внимание, штурмовики!» – опять Савичев – «Сейчас выдвигаетесь и занимаете позиции на окраине в своём секторе. Укроетесь и начинайте просматривать пути проходов. Вперёд пока не суйтесь! Ждёте остальных. Буслаев и Шищенко ведущие. Остальные не спят них... я, а держат сектор под прицелом и готовятся бежать следом. Приготовились!»

Штурмовики оживились. Тот, что в начале так неудачно устроился у левого борта, Сергей Шищенко, назначен ведущим своей двойки и должен бежать первым, сжался как кошка перед прыжком и обеспокоено завертел головой.

«Вперёд!» – прокричал Савичев, и голос его прозвучал несколько высокомерно, как мне показалось – «Следите за маркерами!»

Шищенко рванул с места, пригнув голову и плечи, уткнулся носом в автомат, и побежал вперёд. А вместе с ним, одновременно по всей линии, множество других таких же штурмовиков. Сначала первые номера, следом за ними вторые. Добегая до какого-нибудь мало-мальски пригодного укрытия или просто ориентира, первые занимают позицию для стрельбы и ждут, когда свою перебежку закончат вторые. Затем снова бегут вперёд. Так, перебегая по очереди, двойки уже вплотную приблизились к зоне дымовой завесы.

С той стороны послышались звуки выстрелов. Сперва одиночные, затем короткие очереди, уже без трассеров, захлопали по земле. В ответ машины усилили огневую поддержку и создали настоящий навес из ревушей стали и огня над головами бегущей пехоты!

Наша БМП тоже не осталась в стороне, вздрагивая всем своим двадцатитонным телом при каждом залпе, чередуя пушечный огонь с гранатомётным. Две стреляные гильзы даже попали в меня, ударив сверху по голове и спине. Не будь на мне боевого костюма – остались бы ожоги.

На этом празднике стали и огня мне даже стало немного неудобно сидеть совсем без дела, и, хотя никакого противника я, конечно, не вижу, но внести свой вклад всё-таки надо. Вон то правое окно на втором этаже здания, похожего на разбитый человеческий череп со множеством провалов-глазниц. Вдруг там снайпер? Хотя я бы на его месте там не засел.

Я едва касаюсь кончиком пальца спускового крючка, и дальномер тут же высвечивает расстояние до цели, возвышение и поправку на ветер. Нажал – и винтовка несколько раз дёрнулась в руках, выплёвывая длинные гильзы на влажную от росы песчаную почву. У меня крепки, сильные руки, но ни они, ни дульный тормоз, ни система амортизации отдачи не могут полностью погасить мощь винтовочного патрона.

В оптику прицела я вижу, как разрывные пули, попадая в стену за окном, освещают короткими вспышками комнату. Как разлетаются куски штукатурки и глиняных кирпичей и как клубы пыли заполняют весь оконный проём. Но никаких боевиков я не вижу...

Краем глаза замечаю картину, которая привлекает моё внимание. Одна из машин, видимо, обнаружив огневую точку, сосредоточила весь свой огонь на небольшом двухэтажном домишке. Двумя своими шестиствольными пушками она словно режет свою цель лучом лазера. Впечатление такое, как будто кто-то водой из шланга поливает песчаный замок. Только клубы пыли и куски глины разлетаются в разные стороны. Огонь одной БМП подхватила ещё одна, затем ещё одна, и через несколько секунд от глиняного дома осталась только гора кирпичей и черепицы.

А ведь кто-то же жил там. В этом доме, я имею в виду. Может быть там жили нормальные, добрые, мирные люди. Может быть ещё вчера по его полу бегали дети и всюду валялись игрушки. А теперь? Кто его знает, что там под завалами?

Да уж, о таких вещах на войне лучше не думать. О них нужно думать до войны. Во! Заговорил как ведущий политической передачи! А после войны тогда как? Думать или нет? И будет ли у меня вообще такой выбор? Одно я знаю точно – я бы не хотел быть тем парнем, которому придётся убирать всё то, что мы тут наломали.

Стрельба прекратилась и уже около минуты не слышно ни единого выстрела. Штурмовики уже заняли окраину и просматривают, прослушивают всё вокруг. Скоро мы двинемся к ним, начнём зачистку, а затем и техника уже войдёт в город.

Дымовая завеса сильно поредела. Если поднимется даже самый слабый ветерок её вмиг разгонит и придётся ставить новую или бежать по голому полю.

«Внимание, отделение!» – снова командирский голос в наушниках – «Штурмовики на месте, остальные на позицию! Бондарь и Бекешев ведущие! Бегом марш!»

Я вскочил и уже бегу к тому месту, которое указал мне маркер, держа винтовку в положении «от бедра», как держат обычно ручной пулемёт». Слева и справа от меня единой волною не спеша бегут по направлению к окраине города такие же тяжелые пехотинцы. Бекешев немного отстал. Остановились. Прикрываем. Я у камня, Бекешев в воронке. За мною снайпер, за ним гранатомётчик, который бежит, взвалив свою бандуру на плечо, даже не пытаюсь пригнаться. БМП иногда дают короткие залпы, но скорее только для того, чтобы обозначить своё присутствие.

Вся пробежка заняла у нас от силы минуты три и вот уже до ближайшей груды камней, бывшей когда-то домом, остаётся около десятка метров. На ходу я перепрыгиваю неглубокую канаву и подбегаю к остаткам забора из глиняного кирпича. Ещё вчера этот забор был метра два высотой, судя по остаткам, а теперь я его просто перешагиваю.

Подбегаю вплотную к развалинам и останавливаюсь, переводя дух. Наверху метрах в трёх от меня, за куском поваленной стены, сидит штурмовик и, сложив свой автомат в положение «стрельба из-за угла», просматривает местность через световодную оптику. Шищенко, как подсказала мне автоматика, когда я повернул голову в его сторону. Рядом фрагмент окна с деревянным подоконником и куском занавески на оборванной багете. Мой маркер указывает мне занять позицию там. Перехватываю винтовку поудобнее и карабкаюсь вверх, опираясь свободной рукой о камни.

Так странно. Это моя четвёртая боевая высадка, а я всё никак не могу привыкнуть к этому! Подоконник весь в пыли, но краска совсем свежая, и побелка на уцелевшем куске стены, и эта занавеска. Как будто всё так и должно быть. Только сам оконный проём почему-то накренился в сторону. И пластиковая рама вместе со стеклом вылетела прочь, оставив вместо себя только несколько белых кусочков по углам. Я кладу тяжелое цевьё винтовки на подоконник, сам устраиваюсь поудобнее и начинаю просматривать местность через инфракрасный канал оптики.

Уже полчаса как сидим без дела. Светлеет. На востоке небо совсем уже розово-белое. Снайпер на куче кирпичей справа от меня метрах в семи. Бекешев чуть дальше. Гранатомётчик, видимо, устав сидеть, встал в полный рост прямо в уцелевшем углу разрушенного здания так, чтобы его могли видеть только мы, и курит! Курит он через аварийный клапан в маске, спрятав сигарету в ладони по самый фильтр. Он давно поставил жучок на датчик в шлеме и теперь безнаказанно дурит начальство таким образом. Мы его, само собой, не выдаём.

Иван Степенко. Самый старший из всех нас. Высокий, сутулый парень. Малоразговорчивый, но всегда спокойный и довольный. Лет под сорок ему уже, наверное. Ну, 35 точно есть. Он служил срочную где-то под Нижним Новгородом. Потом остался. Потом начал мотаться по горячим точкам на Кавказе. Абхазия, Осетия, ещё где-то. Когда началась война каким-то образом попал из мотострелков в морпехи. Любит выпить, но пьяным его видели лишь однажды. Выговоров и нареканий по дисциплине имеет больше, чем весь наш батальон вместе взятый, но с начальством никогда не спорит.

«А, Ванёк?! Да ему всё по..уй!» – часто можно услышать от солдат про Степенко, и это его очень точно характеризует. За пятнадцать (или больше) лет службы дослужился до звания старшего сержанта, но лычки прикалывает только на важные строевые смотры и только после того, как получит нагоняй от Савичева. За все годы службы едва ли можно припомнить хотя бы один год, чтобы на Степенко не висело какое-нибудь дисциплинарное взыскание или выговор, однако из армии его, всё-таки, не выгнали. Наверное потому, что в тайне этот нескладный молчун всем по душе. И солдатам и начальству. Вот и держат.

Стоит себе и курит! Вот у кого жизнь! Гранатомётчики вообще, по идее, во время боя спешиваются только при появлении танков противника или для обстрела укрепленной точки.

Ну, или для отражения авиа налёта, в крайнем случае. Но на практике им приходится таскать на горбу тяжеленную пусковую установку, да ещё ранец с четырьмя ракетами!

Сразу после того, как вся остальная пехота заняла свои позиции, штурмовики выдвинулись вперёд для проведения разведки и разминирования.

Вообще, довольно тихо всё проходит. Редкие одиночные, короткие очереди, да взрывы растяжек тут и там. Минут пятнадцать назад где-то на правом фланге завязалась перестрелка. Наши даже дважды обстреляли здание из гранатомётов. Но потом всё стихло и штурмовики, видимо, подавив сопротивление, двинулись дальше. Как только они завершат разведку мы все вместе начнём зачищать местность и готовить проходы для бронетехники.

Сколько ещё сидеть? Спина и ноги ужасно занемели. Уже минут пять не слышно ни единого выстрела. И взрывов тоже не слышать.

Вижу движение. Вон одна фигура, за ней ещё одна. Штурмовики возвращаются. Значит, проходы готовы. Сейчас разобьемся на группы и вместе с техникой будем пробираться к центру города. Займём его, и оттуда будем начинать зачистку, я думаю.

Вдруг в окне дальнего здания показалось светлое пятно! Что-то живое! Не один из наших – тепловой фон слишком велик. Я нацеливаюсь на это место, и точно – чья-то спина в окне! Как будто учуяв, что за нею наблюдают, спина сорвалась с места и скрылась за косяком двери. Не знаю почему, но я всё равно жму на спусковой крючок, и винтовка, вздрогнув, отправляет в полёт тяжелую разрывную пулю, глядя ей вслед одиноким чёрным глазом дула.

В оптику прицела я вижу, как пуля врежется в то самое место, где только что была спина. Вспышка, искры и клубы пыли. Выбоина в стене. И зачем я стрелял? Бред какой-то...

Уже на востоке заблестел край восходящего солнца, когда за спиной заревели один за другим моторы БМП и я получил команду выдвигаться вперёд и соединиться со штурмовиками. И вот уже осторожно спускаюсь по крутому спуску, балансируя тяжелой винтовкой, стараясь не наступить на неверно лежащий камень и не навернуться с трёхметровой высоты вниз. Бекешев тоже стал спускаться вниз со своей позиции. Гранатомётчик и снайпер за нами.

Мы не прошли и двадцати метров между развалинами в утреннем сумраке как нам на встречу вышли Шищенко и Максимов.

Рассвело. Светло-желтые стены уцелевших домов в утреннем свете кажутся совсем Розовыми. Ближе к центру город пострадал меньше, и завалы, так мешавшие нашему продвижению, встречаются всё реже. Мы сопровождаем нашу машину вглубь, к центру города. Идём медленно, тщательно проверяя каждый дом. Давно не слышно выстрелов. Боевики, наверное, рассеялись и ушли в горы. Такое прекрасное мирное утро, чистое небо. А вот эта улица и вовсе выглядит так, будто все жители вдруг ушли куда-то на минутку, и вот-вот вернуться, чтобы вновь заняться своими обычными делами. Да. Вот только стёкла в домах все выбиты, а так...

Над головами с характерным свистом пронёсся вертолёт огневой поддержки. По бортовому номеру вижу, что это вертолёт с корабля второго батальона. Он отлетел уже почти на километр, но было отчётливо слышно шипение с которым из его «осиных гнёзд» один за одним вылетают реактивные снаряды и уходят куда-то в сторону ближайшего нагорья.

Из ущелья километрах в трёх южнее в воздух взмыла ракета ПЗРК, оставляя за собою кривую белую полоску дымного следа. Вертолёт резко ушел на разворот со снижением, наклонившись вправо. От левого борта отделились две противоракеты и устремились в сторону опасности. Не прошло и пяти секунд как все три ракеты встретились в одном месте, оставив на память о своей встрече только облачко дыма, а хлопок взрыва разнёсся по округе, отозвался эхом в горах и затах. Несмотря на успешно отраженное нападение, вертолёт прекратил атаку и поспешил покинуть опасную зону.

Минувшие полтора часа мы медленно пробирались по пустому городу, обходя завалы и заминированные места, пока не вышли к большой центральной площади, мощенной булыжником, с разрушенным фонтаном в центре. Четвёртая и пятая роты уже здесь почти что в полном составе.

Потребовалось ещё несколько минут чтобы все девять машин нашей роты подтянулись к месту и сбились в кучу на краю площади. Сигала об окончании боевых действий ещё не поступало, но солдат это ни сколько не смущает. Они сбились в кучки возле машин и беседуют о чём-то, как будто бы в гарнизоне во время перекура. Кто-то опёрся рукой о борт, кто-то поставил винтовку прикладом на землю, придерживая её за цевьё, но никто не снимает шлемов и не выпускает оружия из рук.

Со всех сторон на площадь медленно подтягиваются машины всех трёх батальонов. И вот когда последние из опоздавших соединились со своими в наушниках прозвучал сигнал о смене режима и окончании операции.

Я разгерметизировал шлем и снимаю маску. Теперь можно и оглядеться как следует. Вокруг бойцы нашей роты. Серьёзных потерь, как будто бы, у нас нет. Из люка десанта четвёртой машины на носилках выносят парня. Это Олег, из третьего взвода. Несмотря на то, что панциря на нём нет, а весь торс перемотан бинтами со следами крови, он оживлённо спорит о чём-то с окружающими, громко матерится и машет руками. Значит, будет жить! Ещё один боец, из новеньких, ковыляет с забинтованной ногой, опираясь на плечо товарища. Машину, которой во время преодоления прибрежной полосы разворотило оружейную платформу, окружили десятка полтора солдат. Механик-водитель и огневой оператор стоят на броне, щупают искореженный металл, и чешут затылки. Ещё на двух-трёх машинах вижу следы от касательных попаданий и «ведьмины засосы». Вот и все наши потери, кажется.

Наше отделение здесь в полном составе, целые и невредимые. Штурмовики Шищенко и Максимов рядом со мной, снайпер Ляхов у заднего катка, милуется со своей винтовкой. Степенко уже забросил свою ракетницу на броню и стоит курит. Бекешев треплется о чём-то с остальными, у левого борта.

Зашипели верхние люки и из правого показалась аккуратно стриженная голова командира отделения, старшего лейтенанта Савичева. А вскоре и сам хозяин головы спрыгнул вниз, выпрямился, широко расставив ноги и задрав подбородок, и молча окинул взглядом своих подчинённых. Высокого роста, широкоплечий, всегда тщательно выбритый и выглаженный, Лёха, или Савич, как «за глаза» называют его подчинённые, не пользуется, однако, среди них большим авторитетом. Наверное это из-за некоторого присущего ему самодурства и не умения слушать других людей.

«Все здесь?» – коротко бросил Савичев

«Так точно, товарищ старший лейтенант!» – нарочито бойко отозвался Шищенко – «Буслаев, Бекешев и Петров там, за машиной»

Старлей едва заметно покачал головой, помолчал немного и сказал, обернувшись в сторону фонтана, где уже начали собираться офицеры полка: «Я на доклад». Развернулся и зашагал, широко расставляя ноги и покачиваясь из стороны в сторону, засунув крупные пальцы обеих рук за ремень и раздвинув в стороны локти. Старший лейтенант Савичев был командиром нашей машины и заместителем командира взвода, но со стороны он выглядел даже более важно, чем начальник штаба батальона.

Савич ушел, и все разбрелись по своим делам. Вон в стороне удобно упавший кусок каменной стены. Пойду, присяду.

Сидя на корточках на броне, опершись рукой о тыльную крышку шестиствольной пушки, сидит Максим Терехов, наш огневой оператор, и разговаривает о чём-то с наполовину высушившимся из своего люка Пашей Захватовым, механиком-водителем.

Макс Терехов имеет погоняло «мастер» за свою осведомлённость, кажется, в любых вопросах, касающихся механики или электроники. Макс под силу не только в одиночку перебрать по болтику автоматический гранатомёт, но он также многое понимает в сложнейшей механике автоматических пушек, и в ракетах, и в радаре, и в системах активной защиты, да и вообще во всём, по-моему. Не знает только как найти надёжный способ прогуливать спортивно-массовые мероприятия. Не знает, но очень хочет знать.

Паша Захватов (Захват) – всегда улыбающийся парень небольшого роста, не имеющий, по-моему, своего собственного мнения ни по одному вопросу. Но как механик-водитель он просто ас!

Савичев вернулся спустя минут двадцать. Все собрались его встречать в ожидании новостей. Все, кроме Ванька Степенко, конечно. Я встретил командира сидя на камне и не подумал вставать, когда тот подошел вплотную. Знаю, ему это не понравилось, но вида он не подал на этот раз.

Старлей встал, как всегда широко расставив ноги, будто бы у него яйца как баскетбольные мячи, и около него сразу же образовался полукруг из солдат.

– Слушаем сюда все – сказал он, выдержал паузу, вытянул шею, чтобы разглядеть широкий затылок Степенко, выглядывающий из-за борта БМП – Степенко, мне повторять, что ли, кому-то?»

Ванёк тут же засеменял ногами, неумело изображая поспешность.

– Значит, ситуация такая: первый и второй батальоны остаются в городе, проводят доскональную зачистку, ждут подхода зенитного и арт. дивизионов, обоза и первых рот. Третий батальон выдвигается в район аэропорта и занимает его. Закончить всё надо к четырём часам! Так что давайте, войны! – сказал Савичев, хлопнул рукой об руку и полез на броню. Я нехотя встаю на ноги в предвкушении долгой и муторной работы по зачистке.

До часу дня ползали на брюхе, проверяя дом за домом. Нам достался сектор, не очень пострадавший при штурме. Зачищаем основательно. Прослушиваем детектором сердцебиения, сканируем пустоты, вскрывали полы даже пару раз. Нашли три схрона с оружием. Всё подорвали, к такой-то матери. Ещё утром, часов в десять, нашли первых мирных. Женщина с двумя детьми и старик. Прятались в погребе под полом. Поднимаем пол – а оттуда из темноты на нас три пары испуганных глаз смотрят. Деду всё равно – он совсем старый был. Отправили в лагерь всех.

Потом помню как мимо нас прошли колонны первой и четвёртой рот с бойцами на броне. Хоть в зачистке они и не участвовали, но мы им не завидовали. Ведь им укреплять позиции вместе с инженерно-сапёрной ротой. Следом за ними прошли дивизионы, обоз и все остальные.

Час назад натолкнулись на большую группу местных, прятавшихся в здании супермаркета. Проверили всех. У одного на плече синяк от приклада, а на коже следы пороха. Заперли его в БМП и вызвали машины из лагеря, чтобы всех забрали.

Час по полудню. Обед. Обедаем по очереди, по четыре человека. Моя группа уже закончила и теперь охраняет подступы, пока обедают остальные. Я занял позицию у оконного проёма на втором этаже жилого дома. Смотрю в окно, положив цевьё винтовки на подоконник. Лёгкие приступы икоты возвращают к жизни вкус каши с мясом из сухого пайка, а на зубах похрустывают крошки от галет. Как же здесь жарко, твою мать!

К четырём часам зачистку своего сектора мы худо-бедно завершили и отправились на броню обратно к центральной площади на построение полка. Я сижу у оружейной платформы, опершись спиной о питающий бункер левого гранатомёта. Уже подъезжаем.

Центр города не узнать! Инженеры превратили его в настоящую крепость, по всем законам фортификации. Всюду валы, траншеи, заграждения из колючей проволоки и даже ДОТы

из бетонных блоков! Рядом с центральной площадью вырос палаточный городок, а на месте рыночной площади – парк боевых машин. Часть центральной площади отдали под плац, и на нём уже началось построение.

Машины нашей роты сбились в кучу на краю площади. Личный состав спешил и строится в колонну повзводно. Я тоже спрыгиваю на землю и спешу занять своё место.

На импровизированном плацу личный состав полка построился поротно. Процентом шестьдесят налицо, наверное. Третий батальон, второй артдивизион и часть взводов на аэродроме, первая и четвёртая рота в карауле, инженеры и взвода материального обеспечения продолжают работать ещё. Остальные здесь, вроде.

На краю плаца показалась фигура командира полка, полковника Николая Васильевича Громова. Немного полноватый для морпеха, но необычайно широкий в плечах, с густыми усами и квадратным лицом, Громов заслужено пользовался уважением солдат.

Медленно выйдя на середину плаца, окинув взглядом своё войско, командир, без всякого громкоговорителя или какого-нибудь другого усилителя звука, но так, что его хорошо услышали даже дальние ряды, скомандовал:

– Становись! – и в строю сразу же воцарилась полная тишина, и все шевеления прекратились – Равняйся! Смирно! Командирам, проверить наличие личного состава, доложить!

Командиры рот и взводов провели проверку и наш ротный, Палыч, уже зашагал на доклад к командиру, не опуская руку, как и положено. Доложил, командует: «Вольно!»

Строй расслабился. Солдаты забубнили между собой в полголоса, откуда-то потянуло табачным дымом.

Напрягает всё это, конечно. Построения эти, разводы, муштра. Вся эта дурь армейская. А с другой стороны... Как по другому-то? Полк морской пехоты – это же тебе не гламурный клуб по интересам.

Громов выслушал доклады, покачал головой и стал говорить, медленно прохаживаясь перед строем взад-вперёд. О чём, интересно? С такого расстояния ничего не слышать, а пользоваться аппаратурой шлема во время построения запрещено. Но кто-то сейчас наверняка пользуется. Кто-нибудь из тех, кому удалось вшить жучок в электронику.

Командир проговорил минут пять-семь, наверное. Потом распустил офицеров и, когда все ротные вернулись к своим подразделениям, подал команду «Становись»! В мгновение во всём строю воцарилась тишина.

– Равняйся!... Смирно! – только бы не заставил проходить с песней – Командиры подразделений, личный состав в вашем распоряжении!

Строй вновь загудел. Наш ротный что-то бросил коротко взводным и громко крикнул: «По машинам, вторая рота!» Строй рассосался и все побрели к своим БМП.

Мы едем на броне по узкой извилистой улочке в составе колонны. ДВС включены, поэтому довольно шумно. Вообще-то, в десанте ехать было бы прохладнее и не так шумно, но, откровенно говоря, всем уже порядком надоела эта металлическая коробка. Тесно как в консервной банке и не видать ничего.

Как Савичев нам объяснил (скорее бросил, чтоб мы только отстали), полк раскидывают по городу и нашей роте досталось место на окраине, на полпути к аэродрому.

Головные машины колонны стали заворачивать и засуетились на месте. Вот и наше пристанище – крошечная раздолбаная площадь на пересечении трёх улиц и маленький сквер рядом. Место пострадало при артобстреле. Вон остатки развороченной зенитки и ещё какой-то техники. Сейчас разгребём немного этот хлам и будем ставить палатки. Только подождём, пока сапёры всё проверят.

Палатки разбили прямо в сквере, машины заняли часть площади. Наша рота, вроде бы, нигде не задействована, и сегодня до самого вечера ничего не предвидится. Ребята заняты сво-

ими делами. Кто звонит домой, кто смотрит шоу по ящику. Остальным Бекешев рассказывает про какую-то проститутку из Каира. Я решил прогуляться до третьего батальона, но сперва нужно отпроситься. К Савичу я не пошел, а иду сразу к ротному. А Лёху потом поставлю перед фактом, хоть он и не любит таких вещей. Или вообще попрошу парней, чтобы они ему передали, если спросит.

Палатка командира роты на дальнем краю сквера у каменного бордюра. «Дежурный по грибку» сказал, что ротный у себя. Я подхожу вплотную ко входу и громко спрашиваю:

– Разрешите, товарищ капитан?!

– Входи – слышу в ответ.

В маленькой палатке темно, потому что окна закрыты клапанами. Ротный сидит за цинковым ящиком, заменяющим ему стол, и читает какую-то бумагу при свете лампы.

Наш ротный, капитан морской пехоты Семёнов Андрей Павлович, или просто Палыч, нормальный мужик. Казак (как он сам всегда пишет во всех анкетах в графе «национальность»), уроженец одной из «низовских» станиц Дона, весёлый и добродушный дядька, и лихой, жесткий командир в то же время. Невысокий рост, сухая жилистая фигура, усы и искорки в вечно прищуренных глазах делают его моложе его сорока пяти лет.

– Разрешите обратиться?! – говорю.

– Давай – ответил Палыч и поднял на меня глаза.

– Всё спокойно, вроде. Разрешите до третьего бата сгонять – говорю я, а в голове промелькнула мысль, что Палыч может отпустить, а может и не отпустить, с одинаковыми шансами на оба варианта – Тут не далеко, за рекой. Метров восемьсот от нас (но на самом деле километра полтора, конечно).

– А щё у тебя там, Баба?

Ну, если начал шутить, то точно отпустит. Или нет? Его разве поймёшь, чёрта старого! Вечно с поддё...ками своими.

– Никак нет

– Так все бабы в штабе, в другой стороне!

– Да нет, товарищ капитан! Парни там. Служили вместе.

– Парни? – переспросил ротный и хотел видимо развить шутку, но остановился, потому что это было бы слишком банально даже для него, для Палыча – Один идти хочешь?

– Да, один. А чё тут идти-то?

– Да шо? Подстрелють тебя басмачи, да и всё, вот шо! – из-под густых усов капитана показалась улыбка – Или словють и в яму. Будешь им блиндажи в горах рыть.

Этот южный акцент, смесь хохляцкого и казачьего говора, придаёт Палычу какой-то особый колорит. За долгие годы службы в Российской Армии он вполне мог бы избавиться от акцента, но, как мне кажется, Палыч сам его поддерживает и нарочно громко «шокает» и «гэкает», чтобы не забыть свой родной выговор. Только при разговоре с высоким начальством его речь становится ровной и правильной, как у учителя русского языка и литературы.

– Да нет, товарищ капитан – начал переубеждать я – между нами ещё третья рота и взвода. Людей как в метро!

– Как в метро, говоришь? Ну, иди. К ужину шоб в строю!

– Спасибо, товарищ капитан! Разрешите идти?!

– Иди – Палыч снова уткнулся в свои бумаги – Шлем не снимать! Значок посыльного возьми!

–Еесть!

Вообще-то, несмотря на то, что в этом районе расположились как минимум две роты десантников со взводами и батарея арт.дивизиона, на улице вовсе не так уж многолюдно, как я описывал ротному. Невидно ни постов, ни патрулей. Только пара солдат курит у стены.

Этот район не сильно пострадал при штурме. В некоторых домах даже остались целыми стёкла. Узкая, извилистая улочка впереди ныряет куда-то вниз, открывая вид на пустыню и прибрежные скалы вдали. Неспеша шагаю по мостовой, уложив винтовку на специальное нагрудное крепление и положив руки сверху.

Добрёл до склона. Дорога уходит вниз. Дальше небольшой каменистый мост через узкую речку. Метрах в трёхстах впереди палатки и техника возле разрушенных построек аэродрома.

Лагерь выглядит мирно в лучах заходящего солнца. Вон там парк боевых машин. Самоходки выстроились в ряд прямо на взлётной полосе, высоко задрав свои гаубицы. Большинство БМП там же, кроме караульных, расставленных по периметру. Несколько зениток разбросаны на удалении от лагеря. Не только из-за того, что так эффективнее отражать воздушные атаки, но и просто потому, что солдаты не очень любят постоянно находиться вблизи включённых радаров. Парни переживают за своё хозяйство, это понятно. Пахнет полевой кухней. Вот вижу ПХД!

Впереди окопалась БМП. Караульная. 571-ый номер! Знаю, знаю эту машину! Восьмая рота. Из-за машины доносится звук голосов, плотный солдатский мат. Решаю обойти сзади, не знаю почему. Проходя мимо люков десанта, пинаю ногой пустую банку из-под консервов и привлекаю этим всеобщее внимание.

– Здорово, парни! – говорю я, не спеша выходя из-за машины.

Передо мною шестеро бойцов в разных позах расположились вокруг ТВНа с горячим ужином.

– Оооо!

– Заходи, заходи! – слышны знакомые голоса.

– Привет, Сашок! Как жизнь?!

– Нормально – отвечаю я и расплываюсь в улыбке, подходя поближе и здороваясь с каждым за руку – Как у вас?

– Живы. Хавать будешь?

– Да не, спасибо – искренне отказываюсь – Чего там сегодня?

Здоровенный парень с круглым лицом и полными губами по прозвищу Шайба наклоняет в мою сторону свой котелок.

– Рис с тушенкой. Шняга. Опять разварили! – говорит он и оборачивается в сторону долговязого сержанта – Лось, дай хлеба!

– А где остальные-то?

– Да, кто где – отвечает Вася Белин, которого Шайба только что назвал Лосём – Командир в штаб ушел. Старый с фрицем к реке пошли, а малой в броне.

– А. Выходит, это он на подходе по мне дальномером сверкнул – заметил я – Если бы без шлема был, то до сих пор бы красные зайчики перед глазами бегали бы!

Все заулыбались. Представили, наверное, как бы я сейчас спотыкался обо всё и матерился, ослеплённый лазером.

– А чё, и правда, шлем не снимаешь-то?

– Даа.. Ротный приказал...

– Да и х..й, что приказал!

– Да ладно. Нормально.

– Ну, визир подними тогда хоть. Ходишь как космонавт.

С этим я согласился и поднял верхнюю часть забрала, открыв лицо полностью. Немного помолчал, осматриваясь по сторонам, и спросил:

– Как атака?

– Да, ху...во, еб...ный в рот – отозвался Игорёк, вечно хмурый и сердитый парень, объект добродушного юмора для сослуживцев, и продолжил перебраниться о чём-то с сидящим рядом молодым снайпером Яшкой.

– На марше БМП подбили – продолжил Лось – а при штурме рота на арабов в упор наскочила!

– Подожди. Чьё БМП-то?

– Абрамова. Знаешь его? Летёха такой маленький, рыжий. Там воронка большая на берегу, они в неё нырнули. Стали выбираться – с гранатомёта в лоб в упор. Механика сразу, экипаж и десант контуженые. Хорошо, что машина в яму скатилась поле удара сразу. А то добились бы.

– Пиз...ец!

А в городе уже на засаду напоролись. И как они, суки, так прятались, что их никто не прохавал. В упор подошли к зданию – они как начали еба...ить! Хорошо ещё, пулемётов у них не было, а то бы ещё больше наших побили бы. Седьмой роте больше всех досталось. Х..ярили как е..нутые, пока их гранатомётчики зажигалками не пожгли.

– Много потеряли?

– Ну, у нас в роте два двухсотых. Лысый и Зяма. И трёхсотых человек пятнадцать. Пятеро тяжелых. В седьмой четверо погибло и ранено около двадцати. Девятая, вроде бы, без особых потерь.

– А кто из седьмой?

– Да молодые, ты их не знаешь.

Все вдруг замолчали. Я уставился на ТВН с кашей. Выждав немного, желая сменить тему, обращаюсь к Лосю:

– Слышь, Лось, а что это за херня у берега крутилась сегодня? – в моём голосе не поддельный интерес – Десантник какой-то?

– Да я и сам х..й пойму! – живо отозвался Лось и я заметил, как у большинства собравшихся заблестели любопытством глаза – Седьмая рота говорит, что она из-под воды вынырнула! А потом, прикинь, на берег выползла! Такая дурра! Сам видел! Высадила группу, машин двадцать. Кто такие – не знаю. Машины – обычные Бэхи, вроде наших, только башни другие. Да нас к ним близко не подпускали! Они всё-время позади шли. У девятой роты спросить надо – они ближе всех были к ним.

Лось завертел головой и, увидев двух солдат, поднимающихся от реки, крикнул:

– Э! Лёха! Иди сюда!

– Чё?! – отозвался звонкий молодой голос.

– Ну, иди ты сюда, е...ный в рот!

Я оборачиваюсь назад и вижу знакомое лицо:

– Здоров, Алексей!

– Ааа, Сашок! – парень сворачивает с тропинки и идёт к нам – Как жизнь?

Тепло жмём друг другу руки и я пропускаю Алексея к остальным.

– Здоров...привет...здорово – говорит он каждому, обходя всех по кругу – ужин уже?

– Садись с нами!

– Да пойду сейчас уже...

– Да садись! Попиз...им!

Лёха принял из рук Шайбы котелок, полный каши. Кто-то протянул ему хлеб, ложку и компот. Компот с хлебом он поставил на броню, а ложкой принялся осторожно есть горячую кашу.

– Слышь, Лёх? – начал Лось – А чё это за команда нас сопровождала сегодня?

– Я х..й знает! – Алексей изменился в голосе, а глаза его стали круглыми – не простые какие-то, на.

– А чё такое?

– Да, чё? Ты машины эти видел? Все башни массетями замотаны. Держались позади всё время. Да вообще, в пиз.у их! Лучше бы арабы там шли, на, вместо них.

– Почему?

– Да не чисто тут что-то, на! Ввели себя, в бой не лезли, вроде. А всё равно мне от них не по себе. Х.й знает, чё за машины, чё там за х.ня! Кто-то говорил, типа разведка, но это них..я не разведка! Профессор, оператор из третьего взвода, говорил, что видел среди них два кериара с роботами!

Лёха взял кружку и сделал большой глоток.

– Ротный про них ни сном ни духом, комбат молчит. А как штурм начался, так тут вообще...

– Ну, что? – спрашиваю я

– Короче, они стали отдельно. Нашим командирам запретили не то что подходить, а даже визиры разворачивать в их сторону! Но я-то видел, что там полно генераторов! Каждая третья машина у них генератор! Нах-я столько?!

– И что потом?

– Потом в атаку пошли. Штурмовики сначала, потом остальные. А перед этим по общему каналу комбат запретил всем идти правым флангом. Чтобы не мешать разведке сканировать здания, бля!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.